

К ВОПРОСУ О ДИАЛОГЕ РЕЛИГИИ И ЛИТЕРАТУРЫ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КАРЛА БАРТА

© 2012 Н. А. Бакши

Российский государственный гуманитарный университет. Москва

Статья поступила в редакцию 25.04.2012

В статье исследуется эволюция антропологических представлений швейцарского теолога Карла Барта и их влияние на немецких писателей в период после Второй мировой войны.

Ключевые слова: антропология, Карл Барт, литература и религия, Дюрренматт.

Швейцарская литература в первое десятилетие после Второй мировой войны не дала миру крупных писателей, однако продолжала активно участвовать в общеевропейском культурном процессе в лице известнейших теологов 20 века, среди которых протестантский теолог Карл Барт (Karl Barth, 1886 – 1968). В 1919 г. Карл Барт, потрясенный событиями Первой мировой войны, пишет самый радикальный свой текст «Послание к Римлянам»¹, повлиявший не только на теологическую мысль, но и на многих послевоенных писателей.

Швейцарский исследователь Рустерхольц наглядно демонстрирует, что идею непрямого высказывания и диалектичного разговора о Боге, идею скрытого Бога Дюрренматт взял из «Послания к римлянам», которое, в свою очередь, было проникнуто сильнейшим влиянием Достоевского. Именно его Барт в эпоху написания «Послания» причислял к одному из отцов Церкви². Однако не только идея скрытого Бога сама по себе вдохновляла современников после Второй мировой войны, но и парадоксальность и литературность текста Барта.

О глубокой парадоксальности этого текста писал швейцарский католический теолог Ханс Урс фон Бальтазар в своей монографии о Карле Барте. Главная тема «Послания к Римлянам», по Бальтазару, – «динамическая эсхатология, необратимое движение от первого, падшего, ко второму, божественному и живому эону, всеобщее воскрешение [апокатастасис] когда-то идеального пратворения в Боге. Это «движение» обреченного смерти мира, еще помнящего о своем истоке, но не могущего дос-

тичь его собственными силами, и является делом милосердного Бога во Христе»³.

Человек отпадает от Бога в тот момент, когда хочет дистанцироваться и быть богоподобным. То есть дистанция между Богом и творением и есть отпадение творения от Бога. «Самобытие (Selbstsein) ...является отграничением по отношению к Богу, а это противопоставление себя Богу и есть грех». Тем самым понятие аналогии, в котором должна выражаться естественная дистанция между человеком и Богом, становится равно отпадению от Бога. То есть у раннего Барта, констатирует Бальтазар, отсутствует понятие природы (natura), необходимое для аналогии. «То, чем природа [natura] должна была стать на дистанции к Творцу, с восторгом и ужасом шатается из стороны в сторону – между лишней дистанции и тайны идентичности с Творцом и отпадением от Него в безграничное Ничто»⁴. И далее: «Бог предстает «самой глубокой... «природой» всех вещей и людей», а потому Божья благодать является порядком, который нам свойственен «внутренне, а не внешне, естественен и не чужд для нас», это наш «естественный закон», «естественная основа всего бытия», наша «природа (natur) в Боге». Таким образом, «природа (Natur), являющаяся нашей природой и чуждая той исконной природе, «как вода огню», на самом деле может быть только «не-природой» (Unnatur)»⁵. Тем самым понятие природы (натуры) становится у Барта диалектическим, а антропология приобретает отчаянно-трагический характер. В этом пункте, по словам Бальтазара, встречаются восточно-церковная «идентичность» с реформаторским «противоречием», Ориген и Достоевский с Лютером, Кальвином и Кьеркегором. «Послание к Римлянам» – это «крик и молчание» одновременно (по словам

⁰ Бакши Наталия Александровна, кандидат филологических наук, доцент, зам. зав. кафедрой германской филологии Института филологии и истории РГГУ, Москва. E-mail: nataliabakshi@mail.ru

¹ Barth K. Der Römerbrief. Bern: Bäschlin, 1919. – 439 S.

² Kucharz T. Theologen und ihre Dichter: Literatur, Kultur und Kunst bei Karl Barth, Rudolf Bultmann und Paul Tillich. Mainz: Matthias-Grünwald-Verlag, 1995. – 388 S.

³ Balthasar H.U.v. Karl Barth: Darstellung und Deutung seiner Theologie. Olten: Summa-Verl., 1951. 420 S. – S. 71.

⁴ Ibid. – S. 73.

⁵ Ibid. – S. 73.

самого Барта⁶, которые цитирует Бальтазар). «Мы должны пройти через все глубины и падения, чтобы, наконец, поверить, что наше бытие является не природой, а телесно испытанным противоречием в самой глубине нашего бытия, мы суть невозможность»⁷. Бальтазар очень чутко определяет смысл высказывания раннего Барта: «Его христианский радикализм является надхристианским, а потому нехристианским». «Решающее при этом, что сердце христианства, вочеловечение, представляется невозможным. Там, где Божественное только касается мира..., а бесконечное качественное отличие Бога от человека является единственной связью, соединяющей Бога с миром, жизнь Христа становится невозможна, а возможна только Его смерть как смысл и итог воплощения...» Поэтому смысл жизни Христа в его смерти, так как все человеческие возможности до смерти представляют собой только возможности греха. «Смысл, конечное, смерть, и в смерти Бог!» – цитирует Бальтазар Барта⁸. Именно на эту скрытую смерть Бога, на это шаткое брожение мысли по грани чутко реагирует не только теолог Бальтазар, но и писатели послевоенного периода – Манфред Хаусман и Фридрих Дюрренматт.

На какой-то момент произошедшее сближение Барта и Дюрренматта в послевоенный период стало возможно только благодаря «Посланию к Римлянам», когда Барт глубоко ощущал европейский кризис после Первой мировой войны и был открыт на культуру и литературу своего времени⁹, о чем упоминает и сам Барт в письме сыну. Рустерхольц ошибочно пишет о том, что идеи «Послания к римлянам» Барт в дальнейшем развил в своей «Церковной догматике», а Буш¹⁰ подробно описывает «плодотворное» изучение Дюрренматтом «Церковной догматики» в 60-е-80-е гг., настаивая на том, что Барт и Дюрренматт развивались параллельно, и Дюрренматт в негативном ключе описывал то, что развивал Барт позитивно. Поздний Дюрренматт явно сильно отошел от Барта. И Барт в последние годы жизни, сблизившись с немецким писателем Карлом Цукмайером, сформулировал свою отстраненность от Дюрренматта: «Ваши «Рассказы» глубоко тронули меня именно тем, ... что отличает Вас от Фридриха Дюрренматта: никогда не иссякающим милосердием, через которое Вы видите

весь человеческий мрак, извращенность и убожество. Мефистофель у Вас отсутствует. А господствует, напротив, всепроникающая, необъятная милость Божия, которая характеризует тривиальнейшие, страннейшие и совершенно сумасшедшие сцены и ситуации»¹¹. Поздняя дружба Барта с Цукмайером, негативный отзыв Дюрренматта о Барте после его смерти и, наконец, тот факт, что при всем активном изучении «Догматики» Барта, она не упоминается и никак не всплывает ни в одной статье или пьесе Дюрренматта, доказывает идею исследователя Кухарца о том, что послевоенный Барт отошел от литературы и литературного дискурса и вернулся в своей мысли к тому, от чего отталкивался в период после Первой мировой войны – к теологической и литературной мысли 19-го века. В 12-томной «Церковной догматике» литература встречается в сотне различных цитат из 50-и писателей, однако только 10 из них – писатели 20 века¹².

В послевоенной период политическая активность Барта заметно возросла. В 1945 г. он становится членом «Национального комитета свободной Германии», в который входили антифашисты, социал-демократы и коммунисты в изгнании с целью организации нового социалистического строя Германии, в 1947 г. он расширяет и конкретизирует положения «Штуттгартского исповедания вины» и активно выступает за демократический социализм против христианского антикоммунизма. Однако в своей мысли он далек от настоящего и все больше и больше углубляется в прошлое. Напротив, Бальтазар, который в 1945 г. занят исключительно мистическими видениями своей духовной дочери Андриен фон Шпайер и не занимает никакой политически активной позиции, духовно глубоко связан со временем.

Еще в 1934 г. Барт сформулировал свои представления о современном писателе: «Чтобы в сегодняшнем человеке, моем современнике, он изображал человека, каким он был всегда, и, наоборот, в человеке, каким он был всегда, показывал мне моего современника. Чтобы он от страницы к странице доказывал, что автор не только трезво знает этого человека и видит его насквозь – от самой глубины сердца вплоть до его манеры поведения и разговора, – но и искренне, то есть без грусти и насмешки любит все его существо. Далее, чтобы он мне рассказывал только то, что автор увидел в этом человеке, то есть, чтобы отказался от всяких воспитательных планов по отношению ко мне, а дружески предоставил мне самому, что мне думать или не думать по поводу увиденного об-

⁶ Barth K. Der Römerbrief. 2. Fassung. München: Christian Kaiser Verlag, 1922. 439 S. – S. 283.

⁷ Balthasar. Op.cit. – S.75.

⁸ Balthasar. Op.cit. – S. 79.

⁹ См. подробнее: Kucharz. Op.cit.

¹⁰ Busch E. Gespannte Beziehung. Friedrich Dürrenmatt und Karl Barth // Text und Kritik. 50/51 (2003). S. 183 – 196. – S. 183.

¹¹ Kucharz. Op.cit. – S. 162.

¹² Ibid. – S. 44.

раза. И наконец, чтобы этому образу человека соответствовала внутренне необходимая, строгая и запечатлевающаяся в памяти форма, чтобы я не сразу забыл показанного человека в его временном и вневременном облике, а мог бы с ним жить дальше и открывать его заново. Для изображения всего этого необходим писатель, и прежде всего романист. Психолог, фотограф и даже философ этого сделать не могут»¹³. То есть самое главное в литературе для Барта – это человек, «нейтрально» поданная информация о нем. Барт, как кажется, не желает никакого вмешательства литературы в теологию. Таким образом, литература предстает собранием нейтральных материалов, набором фигур и ситуаций, из которых теологическая антропология может черпать необходимые ей сведения. Складывается стойкое впечатление, что подобное дружески-«нейтральное», вневременное отношение к литературе свидетельствует об отсутствии интереса к настоящему диалогу с ней, отсюда и стойкое отсутствие у него интереса к современным авторам. Кухарц объясняет интерес Барта в первую очередь к литературе 19 века: «Это поверхностно гуманистическое использование литературы образованным бюргером»¹⁴.

Интересен и тот факт, что Вторую мировую войну Барт не воспринял как шок и кризис гуманизма, в отличие от Первой. В дальнейшем Барт в своей «Церковной догматике» отходит от диалектики в сторону аналогии: «Человек в акте творения только тогда подготовлен к благодати, когда он способен стать «партнером Бога», когда он, как говорится, «созрел для вступления в союз» (bündnisfähig). А это происходит, когда он познает, что означает в диалоге между Я и Ты быть субъектом и быть ответственным. «Аналогия между Богом и человеком – это существование в диалоге Я и Ты»¹⁵. Таким образом, совершается переход от радикальной диалектики к диалогу между человеком и Богом.

«В результате последней войны, того, что ей предшествовало и что еще из нее следует, перед нами заново стала проблема гуманности – в аспекте права, достоинства, святости окружающих нас людей. Гуманность находится сегодня на распутье: станет ли она в своем будущем развитием гуманностью для человека или против него?»¹⁶. Барт отвечает на свой вопрос утверждением христианской антропологии, состоящей в

человечности по отношению к Другому, в связи с Другим, а не замкнутой в самой себе.

«Гуманность каждого человека состоит в предназначении его бытия как совместного бытия с другими людьми»¹⁷. Эта встреча с Другим происходит в общении, в разговоре, в самовыражении и слушании Другого. «Не нужно никаких доказательств того, почему недоверие по отношению к слову человека в каком-то смысле оправдано. Только слова! Ничто, кроме слов! Пустые слова! Слова – «лишь шум и шелест»! Повод для разочарования существует. Большинство слов, которые мы произносим и слышим, совершенно очевидно не имеют ничего общего с разговором между Я и Ты, со встречей, с попыткой поговорить друг с другом и услышать друг друга, то есть с гуманностью. Большинство наших слов, произносимых или услышанных, являются антигуманным, варварским делом, а потому мы не говорим их друг другу и не желаем при этом слушать друг друга. Мы произносим их, не желая искать друг друга и помогать друг другу. И мы слышим их, не находя друг друга, не позволяя помочь себе... Мы говорим и пишем, слушаем и читаем – пропаганду. Так слово опустошается и обесценивается, превращается в пустое, голое слово. Мы живем в постоянной словесной инфляции. Но нужно помнить, что недоверие и разочарование здесь, как и везде, не помогут что-либо изменить к лучшему. Пустыми являются на самом деле не слова, а люди, произносящие и слушающие пустые слова. Пустым и ничтожным оказывается Я перед Ты, один пустой субъект перед другим... Однако в способности говорить друг с другом и слушать друг друга нам открыта возможность бытия во встрече, а сами мы уже стоим, или все еще стоим, на пороге гуманности... Мы отвернемся от гуманизма, если будем следовать по пути недоверия и разочарования в слове как таковом. В этом кроется причина того, что при всей оправданности недоверия и разочарования, они являются именно тем, чего мы ни при каких условиях не можем допустить»¹⁸. Барт, кажется, совершенно игнорирует кризис языка и критику языка, разразившуюся с начала 20-го века и проявившуюся после Второй мировой войны с новой силой. Он совершенно игнорирует процесс очищения, который должно пройти слово, чтобы вернуться к своему изначальному содержанию.

В противовес теологу Карлу Ранеру, назвавшему в свое время человека «слушающим слово» («Hörer des Wortes») Барт называет христианина «делателем слова» («Täter des

¹³ Цит. по: Kucharz. Op.cit. – S. 96.

¹⁴ Ibid. – S. 100.

¹⁵ Barth K. Mensch und Mitmensch. Die Grundform der Menschlichkeit. // Barth K. Kirchliche Dogmatik. B.III. – T.2. 5. Aufl. Stuttgart: Vandenhoeck & Ruprecht, 1967. – S. 136.

¹⁶ Ibid. – S. 13.

¹⁷ Ibid. – S. 62 – 63.

¹⁸ Ibid. – S. 62 – 63.

Wortes»), то есть человек становится по-настоящему христианином, не когда он просто вслушивается в слово, но начинает, напитавшись им и исходя из него, активно действовать. Кроме того, активную позицию человека в догматике Барта дополняет диалогическая антропология – человек проявляет свою человечность в полной мере только рядом с Ты (будь то Ты другого человека либо Бога). Негативно о том же самом пишет Дюрренматт, вернее, он производит эксперимент, как выглядит человек без Ты (без другого и без Бога), замурованный в самого себя, как в лабиринт¹⁹.

Христоцентричная антропология Барта, активная позиция, диалогичная антропология, хотя, на первый взгляд, и представляются близкими чаяниям послевоенного времени, все же при более внимательном рассмотрении становится очевидно, что они исходят из совершенно иного источника – из целостного взгляда на человека, характерного для 19-го века. Подтверждением тому может служить доклад 1945 г., произнесенный в нескольких немецких городах «Христианское провозвестие в сегодняшней Европе» (*Die christliche Verkündigung im heutigen Europa*)²⁰. В нем он подчеркивает независимость христианского провозвестия от актуального кризиса и агонии, в котором оказалась европейская традиция после Второй мировой войны. То, что Бог мог истинно стать человеком и тем самым сделал возможным истинную человечность, постепенно становится главной мыслью, занимающей Барта. Он делает программные высказывания о гуманизме Божиим в некоторых докладах, начиная с конца 1940-х гг. В 1949 г. на симпозиуме в Женеве «*Rencontres Internationales*» Барт читал доклад «Актуальность христианской вести» (*Die Aktualität der christlichen Botschaft*) о проблеме соотношения нового гуманизма и христианства. Он предлага-

ет как альтернативу новому гуманизму «гуманизм Бога», под которым подразумевает открытие Иисуса Христа и его человечность. Барт развивает свою христологическую и христоцентричную антропологию. Он задается в своем докладе вопросом: «Разве настоящий человек, человек сегодняшнего дня, вообще находится в поле зрения? Разве в каких-нибудь мемуарах последних двадцати лет или философских цитатах его не видно намного лучше?»²¹ Это обращение к мемуарам 20-летней давности свидетельствует о сложностях с современной ему литературой и его дистанцировании от нее.

Духовно здоровый, действующий и говорящий, обросший связями человек Барта был крайне далек от облика «бездомного» человека послевоенной эпохи, человека разрушенных связей, лишенный языка и какой-либо внутренней опоры, живущий исключительно в надежде на чудо преображения. Для послевоенных христианских антропологических представлений в литературе в первую очередь была важна экзистенциальная бедность человека, его зыбкость и хрупкость. Именно поэтому интерес в послевоенный период вызывал радикальный Барт «Послания к римлянам» с его антропологией противоречия, с радикальным надрывным языком, в котором все «либо молчание, либо крик», поскольку послевоенная литература, по слову прелата Ханслера (1964 г.), была «литературой калек» (*Versehrtenliteratur*)²².

¹⁹ См. подробнее: *Busch E.* Gespannte Beziehung. Dürrenmatt und Barth. – S. 183 – 194.

²⁰ *Barth K.* Die christliche Verkündigung im heutigen Europa. // *Neue Schweizer Rundschau* 14 (1946). – S. 323 – 336.

²¹ Цит. по: *Kucharz.* Op.cit. – S. 134.

²² Цит. по: *Wirth G.* Heinrich Böll: essayistische Studie über religiöse und gesellschaftliche Motive im Prosawerk des Dichters. Berlin: Union Verl., 1967. 235 S. – S. 39.

SOMETHING ABOUT RELIGION AND LITERATURE: KARL BARTHS' ANTHROPOLOGICAL INTERPRETATION

© 2012 N.A.Bakshi^o

Russian State University for the Humanities. Moscow

The article demonstrates the evolution of anthropological conceptions of the Swiss theologian Karl Barth and its influence on the German writers in the period after the Second world war.

Key-words: anthropology, Karl Barth, literature and religion, Dürrenmatt.

^o*Natalia Alexandrowna Bakshi, Cand. Sc. (Philology), licentiate of Theology, an associate professor at the department of German philology, the Institute of Philology and History. E-mail: nataliabakshi@mail.ru*